

протоиерей Василий Верюжский

Историческая роль болгарского духовенства в народной и политической жизни Болгарии¹

протоиерей Василий Верюжский

Измена Болгарии России и славянскому делу, завершившая собою то двусмысленное поведение по отношению к России болгарских правящих кругов, которое проявлялось с самого начала настоящей великой войны, глубоко взволновала русское общество. Естественно, конечно, было недоумение, каким образом страна, освобожденная Россией, единоплеменная и единоверная ей, оказалась в лагерь наших врагов. Но задача моя сейчас не в том, чтобы объяснять причины, приведшие к столь печальному и ненормальному положению. Беспристрастно и всесторонне выяснить эти причины в настоящее время очень трудно, если не невозможно. Скажу только, что они кроются в области крайне обострившихся со времени второй балканской войны (1913 года) болгаро-сербских взаимоотношений. Я хочу теперь только больше подчеркнуть ненормальность создавшегося положения, его противоречие исторически сложившемуся направлению болгарской народной жизни. Фердинанд Кобургский, начиная теперешнюю братоубийственную войну с сербами, заявил, что Болгария отныне отрешается от своей прежней, исторической и национальной, политики и начинает новую – государственно-династическую². Так может, конечно, представляться дело в воображении Фердинанда Кобургского, в значительной степени одержимого манией величия, но труднее осуществить это намерение в действительности. Как для отдельного организма существуют известные законы развития и роста, нарушать которые нельзя безнаказанно, так и для собранных организмов, именуемых народностями и государствами, тоже существуют свои законы. Всякий народ, если он желает оставаться самим собою, должен развиваться, не отрываясь от своих исторических корней. Иначе он должен погибнуть. Так и Болгария: она или погибнет, как самостоятельная народность, оторвавшись от остального православно-славянского мира, или же должна вернуться на прежний, традиционный путь. А так как намеренно-сознательное и длительное самоубийство целой народности невозможно, то, мне кажется, что скорее осуществится второе

предположение. Тот своего рода психоз, или то «преступное безумие», как назвал его один болгарский политический деятель (Гешов), которым объято болгарское общество в настоящее время, не может быть слишком длительным.

История болгарского народа со времени турецкого ига указывает нам следующее: 1) болгарский народ сохранил свое национальное бытие только благодаря своей народно-православной церкви и своему народно-православному духовенству; 2) духовные вожди народа, в лице своих лучших и главных представителей, всегда тяготели к России и в ней находили для себя опору. Эти основные положения болгарской истории я и постараюсь развить в сегодняшнем докладе.

Отметить эти положения в настоящую минуту мне представляется особенно желательным. Если крайне ненормальна вражда Болгарии к нам в области политических отношений, то было бы просто чудовищным, если бы она простиралась и на церковные взаимоотношения. Нелишне здесь напомнить, что эти культурно-церковные взаимоотношения связывали нас с Болгарией искони веков. Напомню сейчас следующие важнейшие факты. Одна из жен св. Владимира, еще язычника в то время, мать свв. князей-мучеников Бориса и Глеба, была болгаркой по происхождению³ Болгары были посредниками в передаче нам православно-славянского Кирилло-Мефодиевского наследия, на почве которого развилась вся наша самостоятельная русская культура. Известно, что после смерти св. Мефодия († 885 г.) ученики его, изгнанные из Моравии, предавшейся латинству, нашли себе приют в Болгарии, у св. князя Бориса, единственного в то время самостоятельного славянского государя⁴. Здесь, в Болгарии, также в Македонии, принадлежавшей в то время Болгарии, трудились на поприще славянского просвещения ученики свв. братьев и между ними – первый в собственном смысле славянский епископ Климент, тысячелетие со дня блаж. кончины которого исполняется в 1916 году⁵. Когда русские приняли христианство, болгарские священники были их учителями в вере. Славянское богослужение и славянские книги, понятные народу, сразу же к нам перешли из Болгарии⁶. Вот этим и объясняется в значительной степени то обстоятельство, что христианство так легко и беспрепятственно распространилось среди нашего народа.

Эти духовно-культурные взаимоотношения продолжались и в последующее время. Известно, что русские митрополиты – Киприан и Григорий Цамблак (XIV в.) были болгарскими и родственниками знаменитого и вместе с тем последнего терновского патриарха Евфимия. Они были посредниками в передаче на Русь того литературно-церковного

наследия, которым Болгария особенно славилась во время Евфимия⁷. И действительно, южно-славянская письменность, преимущественно болгарского происхождения, оказала весьма важное влияние на судьбы нашего просвещения в XIV–XV вв.⁸

После этих кратких вступительных замечаний я приступаю к самому докладу.

Со времени подпадения Болгарии турецкой власти (1393 г.) и до второй половины XIX в. (до 1872 г.) болгары, как известно, не имели своей самостоятельной церкви. В церковном отношении они были подчинены константинопольскому патриарху, как в политическом – турецкому султану.

Болгары в это время не имели своих национальных епископов. Они имели только священников. При таких условиях не могло быть, конечно, и речи о каком-либо политическом влиянии болгарского духовенства на народную жизнь.

Да и в собственно церковном, даже чисто богослужебном, отношении влияние болгарского духовенства в турецкое время было весьма стеснено.

Церкви, напр., тогда можно было строить только по особому султанскому разрешению – фирману. В этом фирмане точно обозначалась длина, ширина, высота строямой церкви. Но в тех городах, где было достаточно турок, и султанские фирманы оказывались недостаточно действительными. Церковь должна была строиться иногда больше, чем на половину в земле, чтобы она была как можно менее заметна для глаза. Строить ее приходилось в определенный, весьма короткий срок, напр., 18 дней или даже 7 дней, и то больше по ночам. При заколачивании гвоздей в дерево приходилось подкладывать овчину на гвозди, чтобы постройка церкви не беспокоила турок. Церковный звон безусловно запрещался. Вечером церковный сторож обходил дома и приглашал: «заповедайте на вечерня». Утром же, приглашая к утрени, он хлопал слегка по воротам болгарских домов – так, чтобы только могло слышать семейство. Потом позволено было ввести клепала, сначала – деревянные, а затем и железные⁹.

Турки не делали различия между народностями. Магомет II, завоеватель Константинополя (1453 г.), дал особый бераг (грамоту) константинопольскому патриарху, предоставлявший ему автономию в церковном управлении и вообще большие права и преимущества.

Но не одни греки берагом Магомета II подчинялись ду духовной и судебной власти вселенского патриарха, а все вообще православные народности, входившие в состав обширной оттоманской империи.

Следствием такого порядка вещей было развитие эллинизации среди православных народов, завоеванных турками, и ближайшим образом – среди болгар, уже по своему географическому положению непосредственно соседивших с Цареградом. На епископские места, какъ было уже замечено, стали назначаться почти исключительно греки-фанариоты; из болгар могли достигнуть епископского сана только эллинизированные болгары. Славянское богослужение по городам заменилось греческим. Во всех значительных городах были открыты эллинские училища. Преподавание болгарского языка повсеместно преследовалось. Образованные болгары стали стыдиться своей народности, называли себя греками и говорили по-гречески. Болгарская народность подвергалась опасности полного вымирания¹⁰.

И если этого не случилось, то только потому, что среди болгар существовали очаги, где поддерживалась слабо тлевшая искра национального самосознания. Такими очагами были болгарские монастыри. Здесь совершалось славянское богослужение, здесь переписывались славянские книги, составлялись духовно-назидательные сборники, т. н. «дамаскины». В своей народно-просветительной деятельности эти центры болгарского просвещения опирались на родственную Сербию, где дольше сохранялась политическая самостоятельность, где, вследствие большей отдаленности от Константинополя, слабее сказывалось турецкое и греческое влияние, где в более сильной степени сохранялось и национальное самосознание и развивалось славянское просвещение¹¹. Главнейшими просветительскими центрами для болгар в турецкую эпоху были преимущественно два места – Афон и Рыльский монастырь. Отсюда выходили монахи-духовники, которые ходили для исповеди народа по Болгарии, проповедовали ему слово Божие на родном языке и распространяли среди него славянские религиозно-нравственные книги. До нас дошло имя одного из таких монахов-духовников Рыльского монастыря, который один из первых начал вводить в употребление в проповеди и в книги, вместо господствовавшего до сих пор «ресавского» – сербского наречия, простонародный болгарский язык. Это был Иосиф Брадатый, живший в период времени между 1690–1750 гг.¹²

Вот подобные-то лица и поддерживали в болгарском народе слабо тлевшую искру национального самосознания в тяжелые времена тяготевшего над болгарамидвойного ига: политического – турецкого и духовного – греческого.

Более же заметным толчком к пробуждению национального

самосознания среди болгар послужило ознакомление их с отечественной историей. В 1762 г. афонский-хиландарский монах Паисий окончил свою маленькую книжку: «История славяно-болгарска и народех и о царех и о святых болгарских», с появлением которой в свете началось болгарское национальное движение¹³.

О. Паисий, тоже (в качестве духовника) путешествовавший и распространявший свою историю, имел целый ряд учеников. К числу их принадлежал, напр., о. Спиридон, автор другой болгарской истории, дополняющей историю о. Паисия (1792 г.).¹⁴ К их же числу принадлежал и знаменитый деятель болгарского просвещения к. XVIII – нач. XIX в. Епископ Софроний Вратчанский¹⁵.

Софроний оставил нам свое жизнеописание («Житие и страдания грешного Софрония»), ярко и картинно изображающее состояние болгарского народа и в частности духовенства над турецким гнетом. В мире Стойко Владиславов (род. в 1739 г., в г. Котле), Софроний более 20 лет был болгарским священником. Он был человеком выдающимся из ряда современных ему священнослужителей по своей любознательности и любви к самообразованию. Встреча с Паисием, который, путешествуя по Болгарии посетил и Котел (1765 г.), не прошла даром для Софрония. Об этом свидетельствует один из самых ранних списков «Истории Паисия» – т. н. «Котленский список» (1765 г.), происхождение которого обязано «иерею Стойко». Немудрено, что горячий призыв Паисия не стыдиться своего рода и языка и учиться на своем языке нашел живой отклик во впечатлительном иерее Стойко и побудил его сделаться учителем своего народа в церкви и школе, через посредство устной проповеди и книги на живом, простонародном болгарском языке.

Стойко впоследствии и сам побывал на Афоне, этом источнике просвещения у болгар в турецкий период, и вообще ревностно работал над своим самообразованием. Как священник и учитель народа, живший с ним одной жизнью, Стойко-Софроний подвергался одинаково с ним всем невзгодам ужасного турецкого режима. Он терпел от турок такого рода мучения и издевательства, что даже описание всего этого приводит в ужас. Ему на каждом шагу грозили пытками, его били, у него рвали бороду, грозили повесить, и даже действительно вешали, грозили отрубить голову! Вот один случай, рассказываемый Софронием: «В 1768 г. началась война турок с московцами. Что тут говорить: как пошли (на войну) лютые и свирепые агаряне, какого зла не причинили они христианам!.. Сколько людей избили! А наше село (Котел) было на четырех дорогах, а дом мой был очень далеко от церкви. А по обычаю нашему мне нужно было

каждый день быть в церкви к вечерне и утрени. Сколько улиц мне нужно было обойти, чтобы дойти до церкви и потом снова возвратиться домой. И сколько раз меня хватали, били меня и голову мне пробали, и хотели убить меня... Но Бог меня сохранил»¹⁶.

В довершение бедствий, и сослуживцы Софрония и его паства остались неблагодарными за его труды и с головой выдали его туркам. «Все это, говорит он в своем жизнеописании, я должен был переносить за мою службу общественным интересам! Сколько раз ходил я в визирский диван и защищал общие интересы! 20 лет учил детей их грамоте («учих децата им книжное учение») и каждое воскресенье, каждый праздник поучал их в церкви («сказувах поучение»). И за все труды и добро, что я им сделал и желал сделать, они выдали меня, наконец, бостанджи-баши, чтобы он убил меня!»¹⁷.

Под конец жизни, когда Софроний был уже 54-летним старцем, в 1794 г., ему предложили Вратчанскую епископскую кафедру. Охотников из греков пойти сюда не нашлось. Вся западная Болгария в то время была театром гражданской войны, охвачена была движением кирджалиев. Кирджалии нашли себе прочную опору в лице Османа Пасваноглу (иначе Пасванджия), который в 1794 г. овладел всем пространством Виддинского пашалыка. А Вратца как раз входила в пределы этого пашалыка.

При таких условиях Софронию, как епископу, все время приходилось проводить в скитаниях, скрываться в разных местах от преследователей, один раз – даже в турецком гареме!

Такая жизнь была невыносима. В 1803 г. Софроний переселился в Бухаресте, к своим детям, отказался от епархии и всецело предался книжным занятиям на пользу своего народа.

«Поэтому я тружусь и днем и ночью, заключает он свою скорбную автобиографию, желая написать несколько книг на нашем болгарском языке, и так как у меня нет возможности лично говорить пред ними какое-либо полезное поучение, и им невозможно слушать меня, грешного, то пусть хоть прочтут писание мое и из него научатся чему-нибудь полезному»...¹⁸.

Софроний был автором первой печатной болгарской книги. Его «Кириакодромион», сборник поучений (изд. в первый раз в 1806 г., в Бухаресте), был очень долгое время любимейшей книгой для простого болгарского народа и даже еще в настоящее время встречается в обращении среди него.

Находясь в Бухаресте, Софроний, первый из болгар, выступил и на политическом поприще, содействуя болгарскому освобождению из

подтурецкого гнета. С 1806–1812 гг. происходила русско-турецкая война. В 1810 г. русские войска перешли через Дунай. Популярный болгарский епископ явился посредником между русскими и болгарами. По словам Ваковскаго, он находился среди русских войск и призывал народ оказывать радушие и доверие к освободителям. Им было составлено воззвание на болгарском языке, в печатном виде распространявшееся в то время среди болгар. Вот полный текст этого воззвания в русском переводе:

«Воззвание к болгарскому народу.

Милостию Божию Софроний, архиерей Болгарский.

Отечески молитствую о вас, любезные чада мои, род болгарский! Христиане, что живете в Болгарской земле, здравствуйте! Радуйтесь, ибо вот теперь приходит радость общая для всей Болгарии, вот приближаются теперь спасение и избавление ваше. Вот мы видим и наблюдаем теперь, как изливается милость Божия на бедный род наш, – как внушил Бог на сердце благочестивейшему и великому Государю Императору Александру Павловичу и подвинул его избавить нас от такового турецкого варварского мучительства. И вот приближается к вам крестonosное его воинство – ваши братья христиане, чтобы избавить вас от столь великого несчастья; вот наступает тот светлый день, которого вы ожидаете более 400 лет!

Но, о род храбрый, болгары и верные христиане! Стойте, крепитесь и не бойтесь, любезно и усердно примите этих христиан, ваших братьев, которые идут по воле Божьей избавить вас. Не бойтесь: воинство христорлюбивое. Не бегайте от них и не перемещайтесь из городов и из домовъ ваших, но смотрите и потрудитесь, чтобы приготовить продовольствие: хлеб, ячмень, сено, – сколько можете, чтобы вам принять и угостить их по должности христианской. И не считайте их за чужих, но за единовeрных братьев ваших. Непритворно послужите им с верностью и любовью, ибо и они проливают свою кров за веру христианскую, за отечество свое и за святую Церковь Божию, и за братьев и за сестер своих, чтобы сохранить и уберечь их, как бы и они не впади в рабство, в какое впади вы от несогласия и от ненависти друг к другу и вследствие этого оказались в таком бедственном состоянии. Поэтому, всякий христианин, как бы ни был он беден, пусть удалит от уст своих хлеб свой и пусть угостит их, а не бегае к врагам туркам.

Но, о чада христиане наши! Притеките и прилепитесь к этому христианскому воинству, ибо оно не бьет и не убивает, как проклятые агаряне. И вам не будет никакой потери – ни в хозяйстве, ни в имении, не будет никакого бесчестия; и что дадите – ячмень, сено, домашний скот, –

все будет оплачено вам от Государя. Он желает покровительствовать вам и защищать вас.

Ах, христиане! Разве вы не знаете, как жгли вас мучители турки раскаленным железом, как пекли в огне детей ваших пред вашими глазами; сколько разграбили хозяйств и имений ваших; сколько взяли сыновей и дочерей ваших и сделали их неверными? А разв и теперь не причиняют вам этого мучительства? Зачем же вам бежать к таким врагам христианским? Вот ваши страдания дошли до слуха благочестивейшего Государя Императора Александра Павловича, и он пожалел вас и захотел избавить вас от такого мучительства. Спросите-ка, есть ли где в других государствах такое мучительство. Ваши страдания по всей Европе стали известными и во всех газетах упомянуто и написано о ваших мучениях. Неужели же ваше сердце позволит вам стать на сторону врагов ваших и лютых мучителей? Бегайте от них, любезные христиане, как от лютой и ядовитой змеи, и имейте общение с этим христолюбивым воинством российским. И имейте их, как едиnorodных братьев ваших, верно и любезно послужите им и примите их в дома ваши, угостите и почтите их, и куда они захотят идти, верно и без обмана указывайте им путь. А в особенности, христиане, берегитесь от Иудиного предательства, как от огня геенского. Сохрани Бог, чтобы какой-либо христианин впал в такой тяжкий грех, за который он будет наказан и в этом веке и в будущем, ибо такой человек веру свою христианскую предал бы врагу христианскому.

Вот если верно послужите, надеемся, что при помощи Божией через короткое время будете иметь радость и веселие и поживете мирно и тихо, чего мы все и желаем вам. Аминь.

Софроний, архиерей Болгарский»¹⁹.

Сохранилось с именем Софрония еще одно письмо от 10 янв. 1808 г., писанное из Бухареста в СПб царскому адъютанту Ивану Афан. Замбину, вратчанцу по происхождению, с просьбой, чтобы он ходатайствовал пред русским Государем об освобождении Болгарии. (Письмо это напечатано в Мсб., кн. хх). Но подлинность его подвергается сомнению²⁰.

Софроний Вратчанский оставил целый ряд учеников. Из них известны: Хаджи Иоаким, даскал Керчовский или Кичевский (Битольскаго санджака), Кирилл Пейчинович Тетовец, архимандрит Феодосий, основатель первой болгарской типографии в Солуни. Все они жили в 1-й пол. XIX в. и были авторами различных духовно-нравственных книг на болгарском языке, сеятелями национально-болгарскаго просвещения и будителями народного самосознания. Все они, как и сам Софроний, находились до некоторой степени над влиянием сербского просвещения.

До открытия болгарской типографии в Солуни болгарские книги печатались вне пределов болгарской территории: в Валахии (Бухарест), в Венгрии (Будапешт, Брашов) и в Сербии. Это объяснялось тем, что там жило много болгарских торговцев и эмигрантов, содействовавших просвещению своего народа²¹.

Между тем, в особенности со времени Адрианопольского мира (1829 г.), в Болгарию все более и более начинает проникать русское влияние. Болгарские купцы, жившие в России (в Одессе) – Априлов и Палаузов из Габрова, возбужденные к патриотической деятельности преимущественно чрез чтение сочинений историка Венелина, открывают в разных местах Болгарии болгарские школы, которые потом начинают все более и более умножаться.

В связи с этой школьной и просветительной деятельностью стоят имена двух замечательных болгарских деятелей, двух Неофитов: иеромонаха Рыльского (род. в 1793 г.: † 1881 г.), учителя Габровской школы, игумена Рыльского, переводчика Евангелия на болг. языке, автора болгарского лексикона и других трудов, преимущественно в области педагогики²² и архимандрита Неофита Петрова Хилендарского (Бозвели) († 1843 г.), автора школьной энциклопедии для учащихся («Славено болгарское детоводство за малки те деца») и других сочинений, а также одного из самых энергичных поборников болгарской церковной независимости²³.

Так постепенно подготовлялось и развивалось болгарское национальное возрождение, приведшее сначала к поднятию болгарского церковного вопроса, а потом и к политическому освобождению Болгарии. Как видите, на челе всего этого движения стояло болгарское духовенство.

Я не буду здесь говорить о постепенном развитии болгарского церковного вопроса, приведшего к учреждению независимой болгарской экзархии (на основании султанского фирмана 1870 г.) и к провозглашению со стороны греческой церкви т. н. болгарской схизмы (1872 г.). Скажу только, что главными деятелями этого движения были три болгарских иерарха: Илларион, епископ Макариопольский, Авксентий Велесский и Паисий Пловдивский (хотя последний был и грек по происхождению, а также и другие; все они находились, правда, под сильным давлением болгарской чорбаджийской²⁴ партии (во главе с Чомаковым), проникнутой духом крайней нетерпимости по отношению к греческой церкви²⁵.

Несомненно, что создание независимой болгарской церкви было только прелюдией к полному и политическому освобождению Болгарии. Так смотрел на это дело и простой болгарский народ²⁶. Также понимали

это и даже представатели русской дипломатии. Замечательно, что еще в 1867 г., в самый разгар греко-болгарской распри, русский консул в Трапезунде Мошнин сказал преосвящ. Анфиму, впоследствии болгарскому экзарху, в то время еще не примкнувшему к поборникам болгарской церковной независимости и временно прибывшему в Трапезунд – по поручению констант, патриарха, в качестве ревизора Неокесарийской епархии: «Напрасно вы возитесь с церковным вопросом, сказал Мошнин Анфиму, когда Россия вас освободит, она даст вам князя, и все само собой уладится»²⁷. И действительно, нетерпение болгар и в данном случае, несомненно, повредило делу, как оно и впоследствии неоднократно вредило им в политике. Потерпи они еще немного, и церковный вопрос сам собою разрешился бы, так как в автономном княжестве, каким скоро оказалась Болгария, по церковным канонам, должна быть и независимая церковь²⁸. Схизма, т. о., была бы избегнута...

Во всяком случае, греко-болгарская распря, противоречивые действия турецкой власти при осуществлении султанского фирмана 1870 г. привели к крайнему возбуждению умов и страстей в Болгарии. Это в значительной степени содействовало и появлению позднейших частичных болгарских возмущений 1875 и 1876 гг., что имело следствием турецкие зверства в Болгарии, вызвавшие русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии²⁹.

Первым болгарским экзархом был избран (16 февр. 1872 г.) Анфим, митрополит Виддинский (в мире Атанас Бабин Генин, род. 1816 г.)³⁰ Русский воспитанник, окончивший Московскую Дух. Академию (в 1856 г.), бывший некоторое время ее бакалавром, один из весьма немногих в то время архиереев на православном востоке с высшим богословским образованием, выдававшийся из ряда своих современников своим недюжинным умом и пламенным красноречием, Анфим был весьма ценен среди греческой иерархии. Он состоял некоторое время профессором, а потом ректором Халкинской духовной семинарии. Со стороны константинопольских патриархов на него не раз возлагались весьма ответственные поручения, – напр., по части ревизии разных епархий, поручения миссионерского характера – для противодействия униатской пропаганде, находившей благоприятную почву для распространения среди болгар под влиянием греко болгарской церковной распри. Все эти поручения преосвящ. Анфим, благодаря своему такту, уму и убежденному красноречивому слову, исполнял всегда успешно и самым блестящим образом. На сторону поборников болгарской независимой церкви, отказавшись от патриархии, Анфим стал уже в самый последний момент,

когда греко-болгарский церковный вопрос вступил в свой последний фазис, когда уже было ясно, что примирения между двумя сторонами быть не может, когда это осознали и турецкое правительство, взяв на себя инициативу действий в этом вопросе, действий, клонившихся к созданию болгарской самостоятельной церкви. Решение это у Анфима состоялось 5 декабря 1868 г., о чем он тогда же и известил свою Виддинскую паству, под влиянием настойчивых просьб которой у него состоялось и самое решение. 6 декабря он отправился в Константинополь, где 26 декабря вместе с другими болгарскими архиереями подал формальную отставку константинопольскому патриарху. Между тем, 28 февраля 1870 г. был издан турецкий фирман об учреждении болгарского экзархата. Приведен в действие он был не сразу, после долгих трений, препирательств и последних безуспешных попыток к примирению. Наконец, 16 февраля 1872 г. состоялось избрание болгарского экзарха, и избрание это пало на Анфима.

Новоизбранный экзарх, после значительных колебаний, побуждаемый к тому и русским посланником, граф. Игнатьевым, еще разрешился было обратиться к конст. патриарху (Анфиму VI) с просьбой о примирении. «Желаю, писал он патриарху, тебя видеть, желаю, как сын, поцеловать твою десницу и поговорить с тобою о случившемся». Но от патриарха не последовало благоприятного ответа. Тогда Анфим решился действовать самостоятельно.

11 мая 1872 г., на праздник свв. славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, Анфим, в сослужении уже с низложенными ранее патриархом митрополитами – Панаретом Пловдивским, Илларионом Макариопольским и Илларионом Ловченским, совершил торжественную литургию, за которой не было помянуто имя патриарха и был прочитан акт, провозглашавший возобновление независимой болгарской церкви.

Следствием этого было низвержение экзарха со стороны константиноп. патриарха и его синода и отлучение от церкви прочих болгарских архиереев (13 мая 1872 г.). А через некоторое время, 16 сентября 1872 г., была провозглашена т. н. болгарская схизма.

На акт провозглашения схизмы блаж. Анфим за литургией 24 сентября ответил прекрасным словом, в котором каноническими неопровержимыми данными доказал незаконность этого акта.

Однако, положение экзарха со времени провозглашения схизмы сделалось весьма затруднительным. Турецкое правительство захотело воспользоваться схизмой в своих интересах. Побуждаемое отчасти патриархом, оно потребовало, чтобы для болгарского народа была

изменена форма одежды. Через это болгары как бы сами признали бы себя схизматиками. Вместе с тем через это они отделили бы себя не только от православной церкви, но и от единой верной и единоплеменной России. Последнее-то обстоятельство и было важно для турецкого правительства, почему оно так энергично и поддерживало этот греческий проект. На стороне проекта была и болгарская чорбаджийская партия, группировавшаяся около Чомакова. Проникнутая руссофобским настроением, она не прочь была пожертвовать не только духовным костюмом, но и самыми догматами веры, чтобы только совсем отделаться от греков и осуществить национальную болгарскую идею, а вместе с тем подалеже стать и от казавшейся опасной ей России.

Блаж. Анфим со всей энергией воспротивился осуществлению этого проекта. «Мы всегда были и будем православными, говорил он...; с патриархом мы можем помириться; он, как отец, сердится на нас, но мы можем подождать год, два, три, даже десять, и все-таки помиримся...»³¹. Защита православия своей церкви у блаж. Анфима стояла в неразрывной связи с его непреклонным желанием поддерживать самое живое общение с Россией, на которую он возлагал все свои надежды в переживаемых им трудных обстоятельствах для своей церкви и своего народа. В этом он находил вообще полную поддержку у русского посланника, гр. Игнатьева.

Между тем, враждебная экзарху болгарская партия открыто обвиняла его в панславизме, называла орудием русского посольства. Однажды между ним и Чомаковым в официальном заседании болгарского собора, созванного правительством для обсуждения вопроса об изменении султанского фирмана, произошел очень крупный разговор по этому вопросу. «Ти си Руснакъ и действувашъ подъ Руско влияние», бросил экзарху Чомаков. Экзарх тогда в негодовании выгнал его из собрания, заявив ему, что он напрасно берет непринадлежащую ему роль диктатора в церковных делах³².

Нескрываемая экзархом привязанность к России очень была неприятной и для австрийского посланника в Константинополе (Людольфа). Желая привлечь его на свою сторону, он предлагал ему и нравственную и материальную поддержку, но блаж. Анфим деликатно отклонил от себя это предложение.

Осуществление фирмана вызывало большие беспорядки в епархиях и массу недоразумений между болгарскими и греками, Чомаков открыто во всем винил экзарха, который, мол, не пожелал изменить фирмана в смысле полного обособления от греков.

Между тем, наступили страшные 1875 и 1876 годы. По местам

вспыхнули восстания среди болгар. Начались массовые избиения беззащитного болгарского населения, без различия пола и возраста. Экзарх мужественно защищал его перед турецким правительством. Естественно, что на него смотрели враждебно. «Плохо твое положение, сказал однажды Анфиму армянский патриарх, худо говорят относительно тебя в министерстве; как-бы не дошло до веревки и виселицы». – «Дай, Боже, ответил Анфим, чтобы сбылись Ваши слова, потому что когда повесили греческого патриарха Григория, создалось свободное греческое королевство, и теперь, если бы меня повесили, это могло бы создать свободное болгарское царство»³³.

Зимой 1876–1877 г. открылись заседания известной константинопольской конференции. Гр. Игнатъев предложил болгарам подать в конференцию мемуар с выражением своих желаний для улучшения участи своего народа. Мемуар был приготовлен. Болгары выражали в нем желание иметь гражданскую автономию. Турецкое правительство, узнав о содержании мемуара, негодовало на экзарха. Негодование было тем сильнее, что одновременно греческий и армянский патриархи подали свои мемуары, в которых восхваляли прекрасное управление Высокой Порты. Болгарские чорбаджии неоднократно и настойчиво требовали от экзарха, чтобы и он представил в конференцию подобный же мемуар. Честный экзарх наотрез им отказал в этом. Тогда они составили свой мемуар и просили Анфима подписаться. Но Анфим гневно им ответил: «Правительство колет, вешает, притесняет, а я буду ему выражать благодарность; нет, не могу подписаться!» – «Ты идешь против царства, ты бунтовщик!» кричали ему чорбаджии. Однако они не поколебали благородной решимости экзарха. Чорбаджии решились тогда подать мемуар за собственными только подписями, не более 13. Но мемуар этот, после того, как гр. Игнатъев объяснил историю его происхождения, не произвел в конференции никакого впечатления.

Турецкое правительство собрало совет для обсуждения постановлений конференции, на котором присутствовали виднейшие турецкие сановники и представители всех вероисповеданий и на котором были отвергнуты постановления конференции. Блаж. Анфим, предвидя это, отказался явиться на совет. Ему дано было понять, что простят его отсутствие, если он официально сообщит, что отсутствовал по болезни. Блаж. Анфим отказался это сделать. Тогда была окончательно решена его отставка. Чорбаджии начали агитацию. Сначала попробовали было воздействовать на народ и духовенство, стараясь возбудить недовольство экзархом. Но отовсюду они слышали ответ: «экзарх для нас хорош; если у

него и есть некоторые недостатки, не время теперь менять его». Не преуспев в этом направлении, Чомаков и его партия прибегли к печати. Они доказывали, что экзарх – русское орудие и может стать причиной гибели болгар.

Экзарх отвечал и смело обвинял правительство в несправедливом и жестоком обращении с болгарам. С его также одобрения состоялась поездка Цанкова и Балабанова по европейским столицам с жалобами на турецкое правительство. В то же время он отправил письмо на имя С.-Петербургского митрополита Исидора с просьбой о помощи. Экзарх описал митрополиту турецкие ужасы и зверства в Болгарии и заключал письмо такими словами: «Если Его Величество, Всероссийский Император, не обратит внимания на положение болгар, не защитит их теперь, то пусть лучше они будут вычеркнуты из списка славян и православных, потому что всех охватило отчаяние: одни потурчиваются, другие делаются католиками или протестантами». Говорят, что это письмо, показанное митр. Исидором импер. Александру II, окончательно побудило его принять меры к освобождению Болгарии³⁴).

Решив во что бы то ни стало низложить экзарха, турецкое правительство призвало к себе болгарских архиереев (кроме Симеона Преславского, наиболее преданного экзарху) и убеждало их побудить экзарха добровольно подать прошение об отставке. В том же смысле действовали и чорбаджии, подавшие известный мемуар конференции. Но блаж. Анфим, предполагая, что его отставка повлечет за собой только вред для болгарской церкви и народа, категорически отказался исполнить предъявленное ему требование. Тогда, под давлением правительства, был составлен протокол, под которым подписалось несколько архиереев и до 15 челов. мирян, с измышленными обвинениями на блаж. Анфима. Последний сразу же (17 апреля 1877 г.) был низложен, и было дано разрешение на выбор другого экзарха; этот выбор и состоялся 24 апреля 1877 г.

Между тем, 12 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции. Естественно было ожидать, что вся ярость турок обрушится теперь на низложенного экзарха, главного виновника несчастий, постигших Турцию. Боясь за него, граф Игнатьев предупредил турецкое правительство, что оно будет ответственным за неприкосновенность личности бывшего экзарха.

Политическая роль блаж. Анфима теперь была почти окончена. На время войны он был сослан в Малую Азию, в Ангору. Здесь он вместе с другими болгарскими изгнанниками, подвергавшимися ужасным лишениям, переносил все невзгоды заточения и старался по мере

возможности облегчить их участь. Одна надежда была у него на Россию. «Мучали нас, думал он, убивали, вешали, притесняли, инословные пропаганды разделяли нас и сеяли раздор в наших семействах, но всему этому будет конец. Россия освободит наш народ и вспомнит и о нас, заточенных»³⁵. Действительно, заточение узников было непродолжительным. 19 февраля 1878 г. война была окончена, и был заключен Сан-Стефанский мир. Болгарские узники были освобождены, но относительно экзарха в правительственной телеграмме было сказано: «экзарх причинил столько зла царству, что не должен возвращаться» (т. е. из ссылки). И только по распоряжению Верховного Главнокомандующего, Вел. кн. Николая Николаевича, он был освобожден из заточения.

Блаж. Анфим более не возвращался к делам правления экзархией³⁶ и до самой своей кончины, последовавшей 1 декабря 1888 г., оставался в отставке, тем более, что в лице своего заместителя, блаж. Иосифа I, он нашел себе достойного преемника. Ему принадлежала теперь только представительная роль в важнейшие моменты начальной политической жизни болгар. Так, он единогласно был избран председателем Терновского Учредительного Собрания, открывшегося 10 февраля 1879 г. В июле того же 1879 г. блаж. Анфим во главе депутации, избранной собранием, ездил в Россию – в Царское Село – благодарить Царя- Освободителя от лица болгарского народа. Государь пожаловал ему бриллиантовый крест на клобук, а Государыня – драгоценную панагию.

На обратном пути (в августе месяце) блаж. Анфим торжественно был встречен на вокзале в Москве московскими славянофилами, во главе с И. С. Аксаковым.

Преемником блаж. Анфима в сане болгарского экзарха был блаж. Иосиф I, митр. Ловченский (в миру Лазарь Йовчев, род. в 1840 г., 20 июня 1915 г.). Он так недавно еще сошел в могилу, что теперь трудно настоящим образом разобраться в его жизни и по достоинству оценить его деятельность. Постараемся сделать это в самых общих и кратких чертах³⁷. Получив светское французское образование (он окончил в 1870 г. юридический факультет в Париже), Лазарь Йовчев занялся было сначала у себя на родине светской юридической и литературной деятельностью. Но события и интересы времени (это ведь было время образования самостоятельной болгарской экзархийской церкви) невольно вдвинули его в церковное русло. Он сначала сделался экзархийским секретарем, а потом, по совету блаж. Анфима, заметившего в лиц Йовчева крупную силу и желавшего эту силу навсегда приобрести для церкви, он принял (23 сент. 1872 г.) монашество, открывавшее ему широкий путь для народно-

общественной деятельности. Поэтому, не без основания Иосифа называют учеником Анфима³⁸.

24 апреля 1877 г. состоялось избрание Иосифа в экзархи – в один из самых критических моментов жизни болгарского народа. Началась война России с Турцией за освобождение Болгарии. Новоизбранный экзарх на первых же порах оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Порта хотела употребить его в качестве своего орудия: потребовала от него целый ряд таких распоряжений, внутренний смысл которых заключался в протесте против освободительной войны. Однако, блаж. Иосиф имел мужество отклонить эти требования. Нечего уже и говорить о том, что во время самой войны положение экзарха Константинополе было чрезвычайно тяжелым. Но вот, наконец, война была окончена. Болгария должна была сделаться свободной. Однако берлинский конгресс помешал осуществлению проектировавшейся по Сан-Стефанскому договору идеи создания «целокупной» Болгарии. Болгария была разорвана на части, причем Македония и адрианопольский вилайет по-прежнему остались за Турцией. Почти все болгарские деятели того времени держались того мнения, что местопребывание экзарха должно находиться в пределах Болгарии – в Софии или в Филиппополе. Но сам блаж. Иосиф пожелал остаться в Константинополе, не желая расставаться со своей паствой, оставшейся в пределах Турции. Он только временно приезжал в Болгарию (дважды, в течение 1878–1879 гг.) для устройства болгарских церковных дел. Между тем, Порта после войны не хотела признавать церковных прав экзарха в Македонии и адрианопольском вилайете и отказывалась назначать епископов в болгарские епархии. Тогда блаж. Иосиф постарался воздействовать на турецкое правительство через посредство европейской комиссии, собравшейся в Константинополе для выработки проекта реформ в Македонии. Комиссия признала права болгарской народности и церкви в пределах турецкой империи. Вслед за нею (в 1883 г.) эти права признала и Порта. Таким образом, болгарский экзарх остался в Константинополе. Вслед за тем были восстановлены и болгарские епархии в турецкой империи: в 1890 г. – скопская и охридская, в 1894 г. – неврокопская и велесская, в 1897 г. – нелагонийская, струмицкая и дебьрская. Сказанным не ограничивается значение деятельности блаж. Иосифа в трудную минуту жизни болгарской церкви. Он не только восстановил ее права в пределах Турецкой империи, но своим влиянием удержал болгарское население Турции от соблазна увлечься римско-католической пропагандой, агенты которой, как и всегда в подобных случаях, не преминули предложить свои услуги для получения независимости болгарской церкви. Немало было

сделано блаж. Иосифом и для развития церковно-просветительного дела среди болгарского населения тогдашней Турции. В 1882–83 учебном году болгары имели в пределах турецкой империи 237 училища, 351 учителя и 16.063 ученика, а в 1899–1900 г. – 947 училищ 1.481 учителя и 48.874 ученика; к самому же последнему времени (к 1913 г.) эти цифры восходили до следующих размеров: 1.373 училища, 2.266 учителей и 78 854 ученика. В числе училищ считалось 13 гимназий, 87 прогимназий и одна 6-ти классная духовная семинария в Константинополе. Конечно, блаж. Иосиф не оставлял без внимания церковных дел и собственно болгарского княжества – боролся с деспотическим режимом Стамбулова, вступался за права Церкви, в частности – принимал горячее участие в деле тернов, митр. Климента, но преимущественные его заботы были направлены в сторону болгарского населения, оставшегося подвластным Турции. Для лучшего управления этим населением он в последнее время учредил в Константинополе свой синод, по образцу существующего в пределах Болгарии (в Софии).

После всего сказанного становится понятным, какое впечатление должны были произвести на блаж. Иосифа последствия второй братоубийственной балканской войны. Большая и лучшая часть Македонии досталась теперь сербам и грекам; большая часть турецкой Фракии осталась по-прежнему за турками; только сравнительно незначительная часть бывших турецких владений, населенных болгарами, досталась Болгарии. Болгарские епархии в таперешних сербских и греческих владениях были закрыты, архиереи и священники изгнаны, болгарские школы уничтожены; болгарское население, оставшееся в Турции (около Адрианополя), подверглось истреблению. Дело всей жизни блаж. Иосифа было теперь, казалось, совсем потеряно. Сам он, разбитый и больной, должен был переселиться на жительство из Константинополя в Софию. При этом в самой Болгарии ему пришлось пережить массу неприятностей. Со стороны некоторой части болгарского общества, ошеломленной постигшими Болгарию несчастиями, посыпались упреки на него, зачем он, мол, оставил Македонию, что ему нужно было там «сложить кости»; со стороны оказавшегося у власти т. н. «австрофильского» правительства стали делаться энергичные посягательства на хозяйственную независимость болгарской церкви. В болгарском обществе началось движение в сторону унии с Римом; в газетах правительственного пошиба стали делаться неприличные выпады против России. Но и в эти самые тяжелые минуты своей жизни больной, прикованный к постели экзарх не пал духом. За его подписью (а также и

всех синодальных владык Болгарии) было издано исполненное глубокого христианского чувства окружное послание против униональных затей известной части болгарского общества. «Возлюбленные чада наши о Господе! писал, между прочим, в этом послании экзарх. Спасение благочестивого болгарского народа в православии и славянстве, в том православии и славянстве, как они определяются их идейными представителями, в православии, которое имеет своим сокровищем неповрежденное и чистое учение Спасителя и своей основой – любовь и самоотвержение ради ближнего и в славянстве, которое имеет евангельско-культурной задачей, – чтобы ни один славянский народ не притеснял другого. В 1912 г. болгарский народ поставил себе знаменем эти идеи и отдал за них своих лучших сынов, и эти идеи восторжествовали. Если его чистые и высокие идеи не были поняты другими и даже если и некоторые из его сынов их не поняли и сделали в отношении их ошибки, он не расстанется с ними, потому что идеи эти – долг, и не только его, а и всего славянства, на челе которого стоит великая Россия. (См. «Церк. Вести» 1915 г., № 0). При всех удобных случаях, когда только ему это было возможно, почивший экзарх указывал, что единственный правильный путь для Болгарии – это находиться в единении с Россией. Блаж. Иосиф не дожил до теперешних «черных дней», когда освобожденная Россией Болгария оказывается состоящей в войне со своей Освободительницей. Но он видел уже ненормальное направление политики Болгарии. Он видел истинную причину и истинных виновников ее несчастий, еще при жизни его уже поставивших страну на краю гибели. Эта причина и эти виновники – грандомания и грандоманы. И экзарх сознавал и видел неизбежность крушения их политики. Замечателен разговор, который имел почивший экзарх в 1913 г. с П. Н. Милюковым перед самым своим отъездом из Константинополя в Софию. О нем г. Милюков передает нам в своей заметке по поводу кончины блаж. Иосифа («Речь», 1915 г., 21 июня). Он называет этот разговор «своего рода политическим завещанием» экзарха. У болгар собственно нет интеллигенции, говорил экзарх, нет ни настоящих учителей, ни опытных дипломатов, ни политических деятелей. Болгария – это простой народ, крестьяне. Может быть, они только лет через сто созреют для конституции. Болгария нуждается в сильной власти. Новое поколение слишком распущено. Пусть Россия присоединит к себе Болгарию на подобие Финляндии, пусть она возьмет себе руководство внешней политикой и военным управлением Болгарии, но только пусть она спасет ее племенное единство. Нужно спасти народ, спасти его этнографическое

единство. Это главное, остальное все стоит на втором плане. Все, что стоит на пути к достижению этой цели, – грандомания и грандоманы, все это должно быть уничтожено.

Таковы были политические воззрения блаж. Иосифа, этого, как назвал его болгарский поэт, «великого болгарина».

Не нам судить, насколько приемлемы его взгляды. Для нас интересно только в данном случае отметить их.

Вообще почивший экзарх, всю свою жизнь посвятивший на осуществление национальных болгарских идеалов, сам был как-бы их наглядным воплощением. И он верил в их осуществление до конца своей жизни.

Второй, наиболее заветной мечтой почившего святителя в последние годы его жизни была мысль об уничтожении злополучной болгарской схизмы. Он говорил об этом, писал, принимал меры к осуществлению своей мысли и надеялся на ее осуществление. Но и до этого ему не удалось дожить.

Говоря о политической роли болгарского духовенства, нам нельзя не остановиться на наиболее яркой и замечательной в этом отношении личности терновского митрополита Климента (в миру Василий Друмев, род. ок. 1838 г. † 1901 г.)³⁹. Воспитанник Одесской духовной семинарии и Киевской дух. академии, человек весьма крупного ума, блестящих дарований и благороднейшего сердца, одинаково горячо любившего и свою родину – Болгарию и общеславянскую родину – Россию, Климент проявил себя преимущественно как поборник в Болгарии за русскую идею и как мученик за нее во времена мрачного Стамбуловского режима.

По окончании Киевской Духовной Академии, молодой Друмев уехал в Румынию, жил здесь довольно долгое время в качестве эмигранта и вместе со своим товарищем детства В. Д. Стояновым, при содействии знаменитого ученого М. С. Дринова, много работал над созданием болгарского литературно-научного общества «Болгарско Книжовно Дружество» (основ, в 1869 г.) и над его изданием «Периодическо Списание». Уже в этот период жизни он сделался человеком весьма популярным в Болгарии – главным образом своей беллетристической деятельностью и преимущественно пьесой из болгарской истории «Иванко, убийца Асеня».

Монашество он принял уже в зрелом возраст (в 1873 г.), опять-таки в значительной степени под воздействием экзарха блаж. Анфима. Да и вообще его привлекало духовное служение, отвечавшее его воспитанию и глубоко религиозному нравственному складу. Воплощение своего

духовного идеала он видел в двух русских архипастырях, борцах за правду: св. Филиппе, митр. Московском и св. Ермогене, патр. Всероссийском. Скоро, в следующем же 1873 г., Климент получил и сан епископа (с титулом Браницкого). Освобождение Болгарии и неотложные требования жизни заставили Климента принять ближайшее участие в политике вновь созданного княжества. В 1878 г. он избирается представителем Руцукского округа для поднесения благодарственного адреса Царю-Освободителю (правда, не состоявшегося); в 1879 г. избирается членом Учредительного Терновского Собрания и отправляется в Россию в числе членов депутации для поднесения благодарственного адреса Царю-Освободителю в Царском Селе; в качестве члена Учредительного собрания принимает живейшее участие в выборе князя. В своей речи, обращенной к Собранию, Климент говорил: «...Для нас самым лучшим князем был бы тот, который состоит членом великого русского народа, того народа, который доказал нам свою безграничную любовь, продавая кровь за нашу свободу. Такой князь сделал бы еще более неразрывными братские узы между нами и дорогим русским народом. Но существует воля высокая, воля священная, которая стоит выше наших чувств и желаний, пред которой мы должны с покорностью и благоговением преклонить головы. Эта воля – воля Нашего Великого Царя Освободителя. Воля же Царя Освободителя, чтобы не избирать в князья болгарского княжества подданного русского государства» ... Далее в своей речи Климент указывает на преимущества избрания принца Александра Баттенбергского, как кандидата, удобного России. В одно мгновение все члены собрания поднялись и единодушно провозгласили: «Да живет первый болгарский князь Александр I Баттенберг!».

В том же 1879 г., по предложению князя, Климент занимает пост министра-президента и министра народного просвещения. В 1880 г., во время отъезда Александра Баттенбергского в СПб для присутствования на 25-летнем юбилее царствования Александра II, Климент остается ненадолго наместником князя.

Когда Баттенберг, после Свищовского Великого Народного Собрания (1881 г.) и политического переворота, начинает вести немецкую политику, Климент начинает вести с ним борьбу и возвращает ему полученные от него ордена. Когда Баттенберг восстанавливает конституцию, Климент входит в комиссию для ее пересмотра. После румелийского переворота (1885 г.) Климент отправляется во главе депутации к Имп. Александру III, чтобы просить его защиты и согласия на присоединение к Болгарии Восточной Румелии. После низложения Баттенберга (1886 г.) Климент

делается ненадолго (всего только на несколько дней) председателем временного правительства.

Но тут начинается новая волна в политической жизни Болгарии, выбросившая на ее поверхность и поставившая на целые 8 лет во главе народной жизни известного Ст. Стамбулова, с его деспотическим, антинародным, руссофобским режимом. Тут же начинается и наиболее важный период в политической деятельности Климента, начинается его мученичество за русскую идею.

В то время как все народные деятели, запуганные, молчали, один только Климент бесстрашно обличал в своих проповедях преступную политику Стамбулова. Климент со времени официального своего избрания на терновскую митрополию (1884 г.), по поручению блаж. Иосифа, был назначен делегатом экзарха и жил в Софии. Под давлением правительства, он вынужден был теперь оставить этот пост и переселиться в Терново.

3-е так называемое великое народное собрание, составленное Стамбуловым, вместо отрекшегося от престола Александра Баттенбергского, выбрало болгарским князем Фердинанда Кобургского (1887 г.). Ни Россия, ни другие великие державы, кроме Австрии, его не признали. Когда Фердинанд (на Пасху 1888 г.) приехал в Терново, Климент его не встретил. Когда же, в июне, он снова туда приехал, Клименту было приказано встретить князя. Климент исполнил требование. Он вышел с крестом в руках и приветствовал Фердинанда такими словами: «Я приветствую лишь друга России и Царя». Фердинанд, чтобы прервать его дальнейшие слова, приближается поцеловать крест. Климент же отступает немного и продолжает: «Лишь приверженцам Царя и России этот святой крест приносит благодать и благословение». Фердинанд тогда отошел и скрылся в толпе.

Климент аккуратно продолжал говорить свои проповеди и, по заведенному в Болгарии обычаю, поминал Русского Царя за богослужением. Официальным конфиденциальным отношением Стамбулова от 20 сент. 1888 г. ему было запрещено то и другое под предлогом, что будто бы население жаловалось на него министру. На это Климент ответил, что «он поминает Русского Царя, как покровителя Болгарии, как и раньше поминал покойного Александра II, как Освободителя. Православное болгарское население не может жаловаться на это поминовение, так как последнее есть не что иное, как смиренное и благочестивое изъявление той глубокой признательности, которую болгарский народ не может не питать к великому русскому народу.

Болгарский народ не может отказаться от своего прошлого, он не может забыть, у кого находил опору и ободрение в борьбе за свое историческое существование во время тяжелых веков рабства, не может забыть и тех великих жертв, которые великий русский народ принес для его умственного пробуждения и политического освобождения. Болгарский народ имеет достаточно благородства, чтобы быть признательным за сделанное ему добро, да и здравый смысл говорит, что для сохранения его существования и его настоящей свободы и независимости, для его светлого будущего, для укрепления державного престола и короны ему необходимо быть в добрых отношениях с теми, кто помог в его пробуждении и освобождении, а такие высоконравственные и исторические отношения, которые связывают два братских народа, не могут быть никогда уничтожены»⁴⁰.

Что же касается проповедей, то Климент отвечал: «Наш долг, от которого мы никогда не откажемся, проповедывать слово Божие, поучать добру, благочестию и терпению, утешать и ободрять в несчастиях, обличать лжецов, клеветников, безчестных, развратников, бичевать неустанно пороки, кто бы их ни совершал; так мы делали до сих пор, так и будем продолжать и впредь. Не мы виноваты, если некоторым не нравятся наши проповеди, а другие их толкуют по своему усмотрению, а третьи их принимают на свой счет. Церковные проповеди не могут совершаться в угоду того или другого».

Правительство, между тем, усиливало свои террор и насилия. Для обсуждения создавшегося положения собрался Св. Синод. Но из членов его решились явиться только трое: Симеон Варненский, Константин Вратчанский и Климент Терновский. На очередь было поставлено отношение правительства к православной вере и поведение князя. Правительство открыто покровительствовало католическим и протестантским пропагандистам, а православным священникам на каждом шагу ставило всевозможные препятствия и вообще третировало их. Фердинанд явно пренебрежительно относился к православной церкви. Так, напр., в июне 1888 г. он останавливался в Калоферском женском монастыре. Во дворе монастыря поставлена была палатка, в которой католический ксендз совершал для него мессу. По его настоянию были отслужены в православных храмах княжества молебны в дни католических святых Фердинанда и Клементины⁴¹. Известно было об его намерении выстроить в Болгарии католический женский монастырь, для чего он уже купил один монастырский луг, несмотря на то, что по закону монастырские земли не подлежат отчуждению. Все это вместе взятое

заставляло синодальных старцев беспокоиться за будущую судьбу православной церкви в Болгарии. Озлобленное правительство решило тогда освободиться от Синода. Синодальным старцам было приказано прекратить заседания и ехать в свои епархии. Но те отказались исполнить незаконное требование. Тогда в 3 часа ночи на 30 декабря 1888 г. явилась полиция и арестовала синодальных старцев. Каждый из них был выслан в свою епархию.

В конце 1892 г. стало известным о предстоявшей помолвке князя с княжной Марией Луизой Бурбонской – католичкой. Стамбулов намеревался даже изменить соответствующий § конституции в таком смысле, что и первый престолонаследник может быть неправославным. Болгарские иерархи – блаж. экзарх Иосиф, митрополиты – Варненский Симеон, Вратчанский Константин и Терновский Климент протестовали. Правительство тогда приостанавливает жалование экзарху и угрожает вышеуказанным митрополитам отстранением от должности и арестом. К Клименту, сильнее других обличавшему намерения правительства, были посланы тайные агенты, угрожавшие ему смертью, если он не замолчит. Но Климент не молчал. Тогда правительство воспользовалось ближайшим поводом, чтобы от него отделаться. Таким поводом послужила проповедь Климента, сказанная им в неделю Православия, 14 февраля 1893 г. в терновском кафедр. соборе, на тему из посл. к Евр., гл. XI, ст. 24:25: «Верю Моисей, велик был, отвержеся нарицатися сыне дочери фараоновой: паче же изволи страдати с людьми Божиими, нежели имети временную греха сладость». Проповедь эта была горячий призыв к народу отстаивать свою веру от разных на нее посягательств. Правительство усмотрело в этой проповеди возбуждение населения против князя и правительства. Против Климента полицейским приставом составлен был обвинительный акт и начато было судебное дело. На другой день образованная правительством толпа из полупьяных оборванцев с криками и ругательствами явилась к дому Климента. Климента вытащили на парадную лестницу. Когда он собрался усовещивать толпу, ему зажали рот и кричали: «не желаем слушать твоих проповедей!». Потом связали Климента, и, нанося ему побои и плюя в лицо, с непристойными ругательствами, бросили в приготовленную повозку и отвезли в Петропавловский монастырь. После удаления Климента толпа разграбила его дом: многие ценные рукописи были сожжены и расхищены. Экзарх и митрополиты протестовали против этого вопиющего насилия, но их протест оставался голосом вопиющего в пустыне.

Начался чудовищный судебный процесс по делу Климента, начался

вопреки закону, согласно которому для привлечения к суду архиерея нужно было соответствующее постановление его высшего начальства. Набран был подходящий состав членов суда. Долго никто не решался взять на себя обязанности обвинителя-прокурора. Но, наконец-то и для этой роли нашелся одинъ предатель, и притом из учеников Климента (некто Поляков). Климент обвинялся: 1) в подстрекательстве населения к восстанию против правительства, 2) против особы Его Царского Высочества Князя, 3) в нанесении оскорбления и в устном, распространении клеветы против особы Его Ц. В. Князя. Построено обвинение было крайне фальшиво. Дело назначено было к слушанию на 8 июня 1893 г. Открылось заседание суда в 10 ч. 20 м. утра при громадном стечении народа. Защитники пытаются прекратить дело. Это оказалось напрасным. Дело тянулось в течение 3 дней (8, 9 и 10 июля). «Подробности всего судебного процесса, говорит описатель, не поддаются никакому описанию: это был сплошной шум, глумление без конца. Публика с напряженным вниманием ждала решения участи своего любимого пастыря. При выводе и вводе Климента в зал, все толпились вокруг него, целовали ему руку, с благоговением принимали его благословение. Благословлял он и своих судей-обвинителей, которые от этого приходили в смущение».

Последнее слово на суде предоставлено было Клименту, как обвиняемому. К своей убедительной трехчасовой речи он представил в истинном свете свое поведение. Он доказывал, что он не преступление совершил, а исполнял только свой долг. Свою защитительную речь он окончил такими словами: «Своего положения – находиться на этой скамье – не считаю позорным. Оно составляет честь для меня, потому что я борюсь за паству, мое призвание таково. Долг привел меня на это место, не позорное, а славное для меня. Вы разве не знаете, что происходило с апостолами и с самим Христом? Если, однако, существует позор, то он для тех, которые привели меня сюда»...

После блестящих речей защитников Климента и после его трогательного слова все ожидали оправдательного вердикта. Но суд решил дело так, как того желало правительство. Климент был признан виновным по всем пунктам. Народ был возмущен. Начали устраивать бурные демонстрации, в которых принимали участие и женщины и которые полиции удавалось разгонять. Но все было бесполезно. Климента снова увезли в Петропавловский монастырь и заперли в прежний подвал, где его кормили только хлебом и водой. Чтобы доставить больше мучений страдальцы в жаркие южные июньские дни топили у него печку. Потом,

чтобы удалить его от приверженной к нему паствы, решили перевезти его подальше от Терново – в глухой монастырь с. Гложени Ловченского округа. Тетевенской околии.

«В ночь на 12-е августа, под строжайшим секретом Климента вывезли из кельи, посадили на простую телегу, запряженную буйволами и, накрыв сверху рогожею, повезли, не говоря ему ни слова, куда и зачем его везут. Чтобы не обращать внимания на себя, конвой, сопровождавший телегу, переделался в простые деревенские одежды, а за телегою Клемент ехали еще четыре других. По дороге отвечали любопытным, что едут в Ловчу за покупками, а отдыхать останавливались не в селах, а в безлюдных местах и лесах... Все это совершалось по приказанию правительства... Когда подъехали к с. Гложень, то телеги остановились на время. Климент, измученный голодом, попросил у лавочника в долг, потому что не имел чем заплатить, на 1 грош (8 коп.) хлеба и масипн. Когда тот ему принес, то жандармы выхватили у него из рук хлеб и бросили, а его самого погнали нагайками, чтобы не смел подходить к телеге».

В смрадной, грязной тюрьме Гложенского монастыря Клименту суждено было томиться 9 месяцев. Содержали его плохо, не позволяли ни с кем встречаться, издевались над ним, в зимние морозные ночи не топили печи, не давали спать. Иногда ночью, когда измученный страдалец склонял голову на подушку и начинал засыпать, сторож подходил к окну и стучал в него, насмешливо спрашивая старца: «Дедо Владыка, как ты себя чувствуешь? Посмотри-ка, который час, да вставай, а то скоро поедem в Терново».

Наконец, 18 мая 1894 г. пало ненавистное народу правительство Стамбутова. Это был настоящий праздник для Болгарии. Люди целовались на улицах, как в Светлое Христово Воскресение. Новое правительство первым своим долгом сочло освободить Гложенского узника (еще в начале марта 1894 г. помилованного Фердиандо).

Как только разнеслась весть о скором возвращении Климента в Терново, изо всех окрестных городов и сел начал стекаться сюда ликующий народ. Жители разукрасили свои дома флагами и при въезде в город устроили триумфальную арку с надписью; «Добре дошло, Ваше Высокопреосвященство». Вот раздался звон церковных колоколов. Показалась группа всадников на лошадях с зелеными ветками в руках, а среди них экипаж, в котором виднеется многострадальная фигура терновского владыки; за этим экипажем тянется длинная вереница других экипажей. Все хотят быть ближе к Клименту, увидеть его: одни падают передь ним на колени, другие целуют ему руки, а он, растроганный,

благословляет всех, и слезы не дают ему говорить... Шествие направляется в кафедральный собор. Здесь служат молебн. Климент пробует сказать слово. Но при первых словах: «Благочестивые христиане...» слезы давят его. Народ тоже плачет...

Последнюю службу своему народу Климент хотел сослужить в 1895 г. Он становится во главе депутации и отправляется в Россию, чтобы восстановить примирение между Россией и освобожденной ею Болгарией. Депутация (в состав которой, кроме Климента, входили еще архимандрит, ныне рущукский митрополит Василий Тодоров, Моллов и Базов) прибыла в Спб. 21 июня 1895 г. 28 июня она возложила венки на гробницы в Бозе почивших Императоров Александра II и Александра III. 30 июня ее принимало в своем помещении Славянское Благотв. Общество. 5 июля она представлялась в Петергофе Государю Императору.

В результате – Фердинанд был признан Россией. Вслед за ней его признали и остальные европейские государства.

После этого деятельность Климента почти прекращается. Здоровье его было совсем расстроено, силы надорваны. В течение трех последних лет его жизни (1898–1901) с ним произошло несколько нервных ударов, окончательно сваливших его в постель.

Замечательно свидетельство лица, близко знавшего Климента. «Самые близкие приверженцы Климента, говорит оно, подтверждают, что на его быстрое падение духом и телом подействовало поведение Фердинанда, который, добившись признания, повел Болгарию по старому пути, изменив своим обещаниям. Климент увидел, что сделался в некотором роде жертвой обмана и сказал своим: «Этого католика-принца Кобурга не надо было принимать совсем в Болгарии. В Петергофе я забыл, что «вълкътъ кожата си менява, но характера си не изменява». Теперь он всем нам сказалъ: «истекахъси платното, ритамъ ви круското»...⁴². Советую вам быть осторожными к нему – к его внутренней и внешней австрийской политике».

11 июля 1901 г. Высокопр. Климент скончался в Софии. Его смерть взволновала весь болгарский народ. При перевезении тела почившего святителя в Терново на всех станциях толпился народ, желавший последний раз поклониться мужественному пастырю. В Тернове же поезд с останками ожидал весь город и множество депутаций из разных городов и сел. Отпевание совершилось в кафедральном терновском соборе Рождества Пресв. Богородицы. Когда после отпевания рущукский митр. Василий начал говорить надгробное слово: «Не хватает лавровых венков, чтобы украсить мученический образ...», его речь была прервана

рыданиями народа...

М. Г.! Я остановил ваше внимание только на самых выдающихся представителях болгарской церкви, которые являются наиболее яркими и типичными выразителями исконного исторического направления болгарской народной жизни. Они не «редкое исключение» из среды болгарского духовенства, напротив, – они общее правило, выразители общего, основного исторического течения в болгарском духовенстве и народе. Можно бы было говорить и о других весьма незаурядных деятелях – из высшего, и низшего болгарского духовенства, бывших выразителями того же основного направления. Но в виду того, что все остальные деятели являются уже только второстепенными по сравнению с теми, на которых я остановил ваше внимание, говорить о них я считаю сейчас излишним. Достаточно сказать, что все они вообще служили выразителями традиционного народного настроения, еще в турецкие времена возлагавшего все свои надежды на Россию, на Русского Царя. Россию и Русского Царя простой болгарский народ боялся называть прямо в тяжелые времена турецкого ига и они были известны у него под особым именем «Дедо Иван». «Освободимся от турецкого ига, говорили простые болгары, но когда придет Дедо Иван»⁴³.

Чем же объяснить, спросите вы, что теперь, в самую критическую минуту жизни болгарского народа, болгарская церковь ничем, по-видимому, не проявляет своего влияния? Постараюсь вкратце ответить и на этот вопрос.

Во-первых, до нас не доходят сейчас почти никакие вести, что происходит теперь в Болгарии и как ведут себя представители церкви. Одно только можно сказать, что они не могут быть солидарны с Фердинандом Кобургским и Радославовым.

И что действительно это так, вот тому некоторые, случайно промелькнувшие в русских газетах, доказательства. В вечерних газетах от 2 ноября 1915 г. появилось следующее сообщение:

«Газета «Дневник» (болгарская) нападает на членов болгарского синода, обвиняя их в том, что они безучастно относятся к настоящей войне и не сделали никаких жертвований в пользу болгарских воинов и раненых в то время, как они проявили большую щедрость по отношению к русским солдатам⁴⁴. Газета добавляет: «Если старцы синода, заключенные в своем дворце, как в оазисе среди пустыни, желают оставаться чуждыми нации, то следовало бы напомнить, что болгарская церковь национальна и что нация может себя спросить, зачем она поддерживает эту церковь и дает этим старцам обогащаться».

Это сообщение без всяких комментариев само за себя прекрасно говорит.

Или вот, например, сообщение, напечатанное на страницах «Правительственного Вестника» за 27 ноября:

«Nene Freie Presse» передает, что секретарь болгарской миссии в Вене Георгиев прочел доклад «О настроениях в Болгарии», в котором заявил, что болгары, подобно мадьярам, – выходцы с далекого Урала и, собственно говоря, вовсе не являются славянами: они – урало-алтайцы по крови, хотя и подчинившиеся культурному влиянию славян. Золотой век болгарской истории относится к временам царя Симеона, когда болгарский народ еще не успел потерять своего урало-алтайского облика. Что же касается славянства, то болгары много горя испытали от него, так как были вынуждены бороться с сербскими своими соседями.

Но еще больше зла, чем славянство, причинила болгарской нации Православная церковь. Византийская церковь всегда относилась к национальным интересам болгарского народа с крайним недоброжелательством. Эта церковь всегда стремилась к денационализации болгарской интеллигенции. Когда Болгария впервые приобрела свою политическую автономию, после долгих веков турецкого ига, то для нее представлялся весьма удобный случай присоединиться к лону римско-католической церкви. Однако же, подобного рода естественные стремления болгар натолкнулись на непреодолимые препятствия в лице русского интригана – графа Игнатьева, который добился у султана Абдул Азиза особого ираде об учреждении болгарского экзархата. Русская дипломатия воображала, что, учредив экзархат, она навсегда подчинит болгарскую церковь влиянию русской церкви. Но Россия ошиблась в своих расчетах.

Болгарская нация не желает иметь ничего общего с Россией и счастлива, что она наконец вырвалась из-под позорной опеки.

(«Правительственный Вестник». 27 ноября 1915 года. № 275).

Совершенно очевидно, что для современного болгарского правительства, ведущего антиславянскую политику и отрекающегося от своего славянского происхождения, Православная Церковь стала, что называется, поперек горла. Очевидно, оттого не встречает, да и не может встретить в ней сочувствия своей политике. Совершенно ясно, что если для современных болгарских дельцов безразличны вероисповедные и вообще религиозные вопросы и они готовы ими пожертвовать из политических расчетов, то это просто психологически невозможно для представителей Церкви – для болгарского духовенства, которое, по своей

идее, должно быть охранителем народной веры. Исключения, конечно, и здесь могут быть, но именно как исключение, как временное увлечение отдельных лиц известным настроением, под влиянием тех или других причин – напр., под влиянием несчастий, постигших болгарскую церковь в Македонии после балканской войны 1913 г. Но системы, организации последовательного, систематического антирусского течения здесь быть не может. Это, при современном стечении обстоятельств, равнялось бы самоубийству со стороны болгарского духовенства. Находясь сейчас на положении гонимаго элемента, оно может быть стеснено в выражении своих симпатий, но быть солидарным с Фердинандом Кобургским и Родославовым с К^о оно органически быть не может.

Во-вторых, если среди современного болгарского духовенства нет Климентов, то ведь это объясняется тем, что Климентом нельзя сделаться, а надо родиться, и такие люди рождаются, быть может, только с поколениями.

Это прекрасно понимали и в самой Болгарии еще непосредственные современники Климента. Преемник его по терновской кафедре, теперь тоже уже покойный (†1914 г.), Высокопр. Анфим, человек во всех отношениях весьма почтенный и высококочтимый в Болгарии, тоже русский воспитанник, при вступлении на терновскую кафедру сказал: «Не ожидайте во мне невозвратимого и незаменимого «Деда Климента». Воля Божия была мне быть его преемником, но не заместителем». А терновский адвокат, когда-то защищавший Владыку Климента в суде, М. Гайдов на годовой панихиде по нему, сказал: «Действительно, терновский митрополичий престол теперь занят достойным архиереем, но место «Деда Климента» стоит пусто!».

В-третьих, если современное болгарское духовенство не проявляет своего влияния на политические дела, то нужно принять во внимание отношение к нему современного болгарского общества и правительства. Наряду с основным и исконным тяготением к России, среди болгар, особенно в чорбаджийском обществе, издавна, еще во времена турецкого господства, существовало т. н. руссофобское течение. К нему принадлежали, напр., Чомаков и др. чорбаджии, сторонники турецкого режима, во время решения церковного вопроса. Боязнь перед Россией была свойственна также и другим болгарским партиям.

Боялись, что Россия будет преследовать на Балканах завоевательные планы. Эти опасения проводились, напр., в газетах, которые издавались в Константинополе перед временем освобождения Болгарии – «Дунавски Лебедь», «Знаме», «Македония», «Турция». И радикальные, и

консервативные органы в этих опасениях сходились. Панславизм казался им страшным, потому что он олицетворялся Россией, поглощающей якобы отдельные народности. Избавление для себя тогдашней болгарской интеллигенции (в особенности революционно настроенная) склонна была искать скорее в идее федерации балканских государств, чем в России. «Мы (болгары, сербы, черногорцы, румыны, греки, армяне), писала газета «Сводода», орган болг. революц. Любека Караволова, в 1870 г. (№ 50), желаем быть свободными, и потому нам не нужно ничье покровительство... Наше спасение в дунайской федерации, а не в России». Мнения этого держались и другие болгарские революционеры, напр., Раковский.

Бескорыстная освободительная война, предпринятая Россией, рассеяла эти сомнения. П. Р. Славейков, бывший до 1872 г. редактором газеты «Македония», в марте 1877 г. уже воспевал:

Руский царь е на земята
Най великъ, надъ веички пръвъ;
Русите сА наши братя.
Наша плътъ и наша кръвъ;
Кат' Россия нема втора,
Тъй могуща на света;
Тя е нашата подпора,
Тя е наш' та висота».

В то же время и «Болг. центр, революц. комитет в Бухаресте» издал «воззвание к болгарскому народу», в котором оповещал, что освободители русские «идут бескорыстно»⁴⁵.

Но т. н. руссофобское направление, ослабевшее в период освобождения Болгарии, не заглохло совсем. Оно питалось отчасти ошибками русской дипломатии и русских властей в период оккупации Болгарии, не имевших решительно никакого плана в своих действиях, поддерживалось оно также и получившим широкое распространение среди болгар после освобождения западным заграничным воспитанием, в особенности – в Австрии и Германии, поддерживалось оно и придворным в Болгарии немецким влиянием. А события последних годов – обострившиеся до кранной степени из-за македонского вопроса отношения к сербам, условия Бухарестского мира 1913 г. и т. п. усиливали развитие руссофобского движения в Болгарии. Последнее отразилось до некоторой степени и на духовенстве, в особенности – македонском, бежавшем из Македонии в Болгарию. Но, конечно, эти отражения не были типичны для всей массы болгар, духовенства и для его руководителей.

В параллель с развитием руссофобского движения в Болгарии следует поставить, и другого рода явление. Западное заграничное воспитание и отчасти наша, широко распространенная в Болгарии, отрицательная и анархическая литература развивали в болгарском интеллигентном обществе атеизм и отрицательное отношение к Церкви. Большинство болгарских революционеров, боровшихся против турецкого господства, были атеистами. В особенности же атеизм и отрицательное отношение к церкви стали распространенными в болгарском обществе в последнее время. Народные учителя в подавляющем большинстве – атеисты. Педагогические издания рекомендуют даже распространение отрицательных взглядов чрез школу. Следствием такого порядка вещей явился нравственный развал в обществе. Официальный орган болгарского Св. Синода «Церковен Вестник» в особой статье «Каде вървимъ» («Куда идем»), незадолго до нынешней болгарской войны писал следующее: «Теперь мы видим молодежь без веры, с ленивой волей, с ухищренным умом, молодежь, которая готовится легким путем, через хитрость, обман, даже насилие получить диплом, чтобы устроиться потом на доходном месте и предаться доходным спекуляциям» («Ц. В.», 1915, № 30, от 25 июня). То же подтверждает и светская болгарская литература. Укажу, для примера, на роман Вазова: «Казаларската царица». Вот источник современной болгарской беспринципности в политике. Вот и причина отсутствия влияния на общество со стороны болгарского духовенства. Тем более, что болгарское правительство, идя в данном случае в полном согласии с обществом, замуrowало для духовенства все пути к общественной деятельности. Оно лишило духовенство не только избирательных прав в Народное Собрание, но даже устранило его и от законоучительства в школах. А что духовенство не мирится с таким пассивным положением и стремится к общественной работе, доказательством этому служат хотя бы разнообразные съезды духовенства, перед временем войны весьма участвовавшие. Болгарское общество и правительство ценили духовенство и Церковь постольку, поскольку они помогали болгарским политикам в достижении национального идеала, работая в церкви и школе в Македонии. А так как болгарское духовенство теперь изгнано из Македонии, то оно потеряло поэтому всякий кредит среди интеллигентных болгар. Этим равнодушием к делам Церкви со стороны болг. общества объясняется также в тот факт, что некоторые лица среди него и в былое время, и теперь так легко перекидывались, из чисто политических соображений, из православия в унию.

В-четвертых, есть и еще одна причина, мешающая в настоящее время

болгарской церкви возвысить свой голос. Причина эта кроется во внутреннем ее состоянии и в настоящий момент. До последнего времени болгарский экзарх жил в Константинополе, вне Болгарии. Поэтому, он был недостижим для болгарских властей. Во время Стамбулова, напр., правительство насильно разгоняло синод, но экзарх оставался, и он по-прежнему продолжал протестовать против насилий власти. И самые церковные деятели – митр. Климент и др., находили опору и нравственную поддержку для себя в независимом для светской власти экзархе. Стамбулов лишил одно время блаж. Иосифа государственного жалованья. Но последний имел и в этом отношении для себя некоторую поддержку – в македонских болгарских епархиях, входивших до 1912 г. в состав Турецкой империи. Теперь обстоятельства изменились. Болгарская церковь утратила свою прежнюю независимость от болгарского правительства. Экзарх должен был выехать из Константинополя в Софию. Вот почему мы видим, что даже такой крупный и влиятельный человек, как блаж. Иосиф, оказывается бессильным в борьбе с правительством Радославова, посягавшим, как мы уже знаем на церковную автономию, и мечтает об эмиграции в Россию. Что мысль об эмиграции в самое последнее время была у блаж. Иосифа, это найдостоверно известно.

Но не только вне черты Болгарии теперь нет экзарха, вообще теперь экзарха нет в болгарской церкви. После недавней кончины блаж. Иосифа новые выборы не могли состояться. Болгарская церковь, поэтому, является теперь без главы и без инициативы. В этом тоже одна из немаловажных причин ее теперешнего видимого бездействия.

Какие же следуют выводы из моего доклада? Они ясны сами собою.

1) Духовенству в Болгарии принадлежала первенствующая роль в деле духовного возрождения болгарского народа, и самое это возрождение произошло на церковной почве.

2) Все вековые, исконные надежды болгар, в лице их лучших духовных вождей, были устремлены на Россию, в единении с которой они видели залог благополучия Болгарии.

3) Наряду с этим исконным, историческим течением в болгарских верхах еще с турецкого времени существовало другое, противоположное течение, враждебное России.

4) В последнее время это течение проникло в школу, в общество, отчасти в народ и в настоящее время господствует в болгарской политике.

5) Надо думать, что эта зараза не успела еще проникнуть вглубь народа, по-прежнему (несмотря на враждебное России настроение правящих кругов и значительной части общества) в массе остающегося

вместе со своими духовными вождями на традиционной церковной и руссофильской почве.

б) В этом здоровом народном ядре можно искать источник будущего обновления Болгарии и из него черпать надежду на более светлое будущее.

Проф.-свящ. В. Верюжский

Примечания

¹ - Доклад, читанный в Славянском Благотв. Обществе 2 ноября и в Обществе бывших питомцев Ими. Петрогр. Дух. Академии – 27 ноября 2015 г.

² - Из русских газет

³ - См. об этом в житии Бориса и Глеба, изд. Моск. Синод. типогр., кн.9.

⁴ - См. об этом, напр., в исследов. М. Соколова: «Из древней ист. Болгар», Спб., 1879.

⁵ - См. об этом, напр., в исследов. г. Туницкого: «Св. Климент, еп. Словенский» Серг. Пос., 1913.

⁶ - Голубинский. Ист. рус. церкви, т. I, ч. I, стр. 167, 2 изд.

⁷ - См. напр. исследование Сырку: «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.», СПб. 1899, стр. X и XVI.

⁸ - См. об этом в исследовании акад. А. И. Соболевского: «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.». Петроград, 1909. Также – в его речи: «Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв.», СПб. 1894.

⁹ - ⁹ Димитров. «Княжество България». Ч. I. София, 1894, стр. 54–59.

¹⁰ - См. об этом: 1) Иречека «История Болгар», Одесса, 1878, гл. XXIX. 2) Теплова «Греко-болгар, вопр.», 1879, стр. 15 и след., а также 3) «Историю христ. церкви» в XIX в., изд. А. П. Лопухина, т. II, стр. 342.

¹¹ - См. об этом Сырку «Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII вв.» СПб. 1901 г. стр. ССХVI и след.

¹² - См. о нем Д. Маринова «Иеромонах Иосиф Брадати». Мсб., кн. 18, отд. 1, стр. 99 и след. ¹³ О. Паисий и его «Исторіи» см. А. Теодорова; «Тремъна българската словесность, свезка 1». Пловдив 1898; М. С. Дринова: «Отец Паисий, неговото време, неговата история и учениците му.» Сочинения, т. I. София, 1909, стр. 113–137; его же: «Още неколко бележки за Паисия и за неговата история», Ibid., стр. 549–562; Попруженко; «Очерки по ист. возрожд. болг, нар» – Ж. М. Н. Пр. 1903, октябрь.; Иречек, Ист. Бол., Од. 1878, гл. XXX.

¹³ -

¹⁴ - См. Попруженко. „Очерки по истории возрождения болгарского народа». Ж. М. Н. Пр. 1903 г., октябрь, стр. 327 и след.: „Исторические

работы».

¹⁵ - ¹⁵ О Софронии Вратчанском см. А. Теодоров Балан «Софронии Врачански. За стогодишницата на новата българска иечатна книга (1806–1906)». София, 1906. Здесь напечатано и «Житіе» Софронія. Более новое и научное издание этого жития сделано в последнее время д-ром П. Н. Орешковым. София, 1914. К сожалению, мы не могли иметь под руками этого издания. О Софронии также см. М. С. Дринова: «Неколко забравени списания на Софровия Врачанскаго», Сочинения, т. II. София, 1911, стр. 321–330; А. И. Соболевского: «Неизвестные труды Софрония Врачанскаго». („Изв. отд. рус. яз. и слов. Ими. Ак. Н., т. XII, 1908, кн. 6). Также: «Период. Спис.», год. I, кн. 5 и 6, Браила, 1872.

¹⁶ - См. Теодоров, 9–10.

¹⁷ - Теодоров, 17.

¹⁸ - Теодоров, 39.

¹⁹ - См. Теодоров, стр. 53–55.

²⁰ - См. Теодоров, 53

²¹ - Об учениках Софрония см. следующие труды: М. С. Дринова – «Неколко бележки за Хаджи Иоакима, даскала Крчовскаго». Сочинения, т. II, София, 1911, стр. 478–482. Его же: «Първата българска типография въ Солунъ и нькои отъ напечатаниѣ въ нея книги». Ibid., стр. 425–450. А. Т.: «Първичето на Хаджи Иоакима». Пер. Сп., LXI., 1900, март, стр. 199–204. А. Шопова: «Из новата история на българите въ Турция», Пловдив, 1895 и др. его труды в Мсб. и Пер. Сп.

²² - О нем см. «Откъслекъ отъ историята на Рилский монастырь», София. 1895. Также у Попруженко – «Очерки по истории возрожд. болг. нар». – Ж. М. Н. Пр., 1902, ноябрь, стр. 14.

²³ - О нем см. проф. Шишманова: «Единъ непознатъ трудъ на Неофита Бозвели» – Мсб., XVШ; Стоянова – Пр. Си., кн. 3. (Средец, 1882); Попруженко-Ж. М. Н. Пр. 1902, ноябрь, стр. 32.

²⁴ - „Чорбаджии» – это своего рода болгарская буржуазия, зажиточный класс в Болгарии. По политическим своим воззрениям чорбаджии в турецкую эпоху были по большей части туркофилами.

²⁵ - О болгарском церковном вопросе см. Т. Ст. Вурмова: «Българо-гърцката църковна распря». София, 1902; В. Теплова: «Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам». Историч. исследование. СПб. 1889; Н. И. Петрова: «Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарской народности». Киев, 1886; Е. Е. Голубинского:

«Краткий очерк истории правосл. церквей», М. 1871, стр. 176–193 и 295–328; Ф. А. Курганова: «Исторический очерк греко-болгарской распри» (Правосл. Собес. 1873 г., т. I–III) и др.

²⁶ - См. Т. Милкова «Антимъ първъ. болг. экз.» Пловд. 1899. стр. 71.

²⁷ - Ibid стр.55

²⁸ - Гражданско-политическому значению известной местности, по церковнымъ канонам, должно соответствовать и ее церковно-административное положение: см. 28 прав. IV Всел. Соб.

²⁹ - Т. Милков, стр. 120–121, 124–125.

³⁰ - О блаж. Анфиме и его деятельности см. книгу Т. Милкова: «Антимъ, църви български екзархъ. Животъ и духовно – обществената му деятельность. Биографически очеркъ». Пловдив 1800 Книга эта, с некоторыми только дополнениями, воспроизводит очерк г-жи Муромцевой – в Русском Вестнике 1882 г.

³¹ - Милков, стр.116

³² - Милков, стр. 114

³³ - Милков, стр. 128

³⁴ - Милков, стр. 141

³⁵ - Милков, стр. 152

³⁶ - Митрополией Виддинской он управлял до своей кончины, с помощью викарного епископа.

³⁷ - О блаж. Иосифе см. мою статью в «Богосл. Энциклоп.» А. И. Лопухина, а также – в «Церк. Вестн.» 1915 г., № 27.

³⁸ - См. Милков, «Антим».., стр. 147.

³⁹ - О Клименте торнов, см. мою статью в Богосл. Энцикл. А. П. Лопухина и в особенности соч. Иванова В.. «Тырновскій митр. Климентъ (Друмевъ) и его значеніе в церк. и политич. судьбахъ болг. нар.» 1912 г.

⁴⁰ - Отношение Климента от 12 октября 1888 г.

⁴¹ - Имя Климентины носила мать Фердинанда, ярая католичка.

⁴² - «Я выткал свое полотно, бросаю вам самый инструмент».

⁴³ - См. об. этом, напр., у Милкова – «Антимъ», стр. 12. прим., а также в роман Вазова: «Подъ игото».

⁴⁴ - О пожертвованиях болг. Св. Синода в пользу русских раненых в эту войну и о распоряжениях его об обязательном отчислении для той же цели известной суммы из монастырских и церковных средств см. «Церк. Вестн.» 1915 г. Л. 4, стр. 122.

⁴⁵ - Обо всемъ этомъ см. исследование д-ра В. Минцеса: «Държавно-политическите и социално стопанските идеи въ българската доосвободителна литература», Мсб., кн. XVI–XVII, дел 2.

Содержание

протоиерей Василий Верюжский Историческая роль болгарского духовенства в народной и политической жизни Болгарии1 протоиерей Василий Верюжский	1
Примечания	34